

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

Джейн
из Лантерн-Хилл

Магистраль. Главный тренд

Люси Мод Монтгомери
Джейн из Лантерн-Хилл

«ЭКСМО»

1937

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Монтгомери Л.

Джейн из Лантерн-Хилл / Л. Монтгомери — «Эксмо»,
1937 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-248963-1

«Джейн из Лантерн-Хилл» – трогательный и светлый роман Люси Мод Монтгомери о взрослении, мечте о доме и обретении себя. Юная Джейн Стюарт живёт с мамой в строгой и холодной атмосфере в особняке властной бабушки, где нет места веселью и теплу. Девочка думает, что её отец мёртв, но однажды узнаёт, что это ложь, её отец живёт на острове Принца Эдуарда. И вот, дом на Джой-стрит охватывает волнение, её отец присылает письмо, он просит отпустить Джейн на лето к нему. Несмотря на неодобрение бабушки, Джейн отправляют на остров Принца Эдуарда. Лето, проведенное в его доме на Лантерн-Хилл, становится для Джейн временем свободы, радости, открытий и смелой надежды на новую жизнь, в которой она, мама и папа будут жить вместе. Этот роман полон любви, приключений, доброй атмосферы. Люси Мод Монтгомери признанный классик детской литературы такого типа, который подходит и взрослым. Обложка книги как мечты героини, похожее на лавандовый раф От автора Энн из Зелёных Мезонинов

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-248963-1

© Монтгомери Л., 1937

© Эксмо, 1937

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Люси Мод Монтгомери Джейн из Лантерн-Хилл

Lucy Maud Montgomery
JANE OF LANTERN HILL

© Захарова А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*В память о Лаки, бывшем очаровательным ласковым соратником
на протяжении четырнадцати лет*

Глава 1

Джейн всегда казалось, что Джой-стрит¹ совсем не подходит ее название. Это, скорее, самая унылая улица в Торонто... с другой стороны, за одиннадцать лет весьма ограниченных передвижений Джейн видела не так уж много городских улиц.

Джой-стрит должна быть *веселой*, рассуждала она, с радостными, утопающими в цветах дружелюбными домиками, кричащими вслед: «Как дела?», когда проходишь мимо, с деревьями, которые приветливо машут ветками, и подмигивающими в сумерках окнами. Но Джой-стрит выглядела темной и неряшливой: по обеим сторонам высились грязные, почерневшие от времени старомодные дома, чьим высоким окнам и в голову бы не пришло кому-нибудь подмигнуть. А деревья были такими старыми, огромными и величавыми, что напоминали деревья не больше, чем маленькие потерянные растения в зеленых горшках у заправочной станции на углу. Бабушка пришла в ярость, когда старый дом Адамсов снесли и построили на его месте новую красно-белую заправку. Она запретила Франку покупать там бензин. Но все-таки, считала Джейн, это самое веселое место на всей улице.

Джейн жила в доме под номером шестьдесят – огромном зубчатом строении из кирпича с колоннами у крыльца, с высокими георгианскими окнами, с башнями и башенками всюду, куда только можно уместить башню или башенку. Его окружала высокая металлическая ограда с коваными воротами – в былые дни эти ворота славились по всему Торонто, – Фрэнк запирали их каждый вечер, и у Джейн возникало неприятное чувство, будто она узница, которую сажают под замок.

Участок вокруг дома был просторнее, чем у большинства соседей. Лужайка перед входом, где из-за ряда старых деревьев вдоль забора с трудом пробивалась трава, и внушительных размеров задний двор между домом и Блур-стрит – все равно недостаточно широкий, чтобы хоть немного заглушить нескончаемый шум и гвалт Блур-стрит, особенно громкий и назойливый там, где она соединялась с Джой-стрит. Знакомые удивлялись, как это миссис Роберт Кеннеди с ее состоянием продолжает жить здесь, вместо того чтобы купить любой дом в Форест-Хилл или Кингсвей². Налоги на такую громаду, как дом шестьдесят по Джой-стрит, должны быть, непомерные, а само строение безнадежно устарело. Но миссис Кеннеди лишь презрительно улыбалась в ответ на подобные высказывания, даже если они исходили от ее сына, Уильяма Андерсона – единственного члена семьи, которого она уважала, поскольку он успешно вел дела и собственноручно сколотил состояние. Она никогда не любила его, но он заставил ее уважать себя.

Дом шестьдесят на Джой-стрит целиком и полностью устраивал миссис Кеннеди. Она впервые вошла туда невестой Роберта Кеннеди, когда Джой-стрит считалась самой модной среди улиц, а дом, построенный отцом Роберта, – одним из самых роскошных особняков Торонто. И в ее глазах ничего не изменилось. Она прожила здесь сорок пять лет и будет жить до конца своих дней. Тем, кому не нравится, оставаться не обязательно. Эта фраза сопровождалась ироничным взглядом в сторону Джейн, которая никогда не *говорила*, что ей не нравится Джой-стрит. Но бабушка, как давным-давно обнаружила Джейн, обладала непостижимой способностью читать мысли.

Однажды темным, тусклым днем, когда все кругом запорошил снег, Джейн сидела в «кадиллаке» и ждала Фрэнка, который, как обычно, должен был отвезти ее в школу Святой Агаты. Внезапно до ее ушей долетел разговор двух дам, стоящих на углу.

---

¹ Joy (*англ.*) – веселье, радость. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, комментарии переводчика.)

² Форест-Хилл и Кингсвей – престижные и исторически значимые районы Торонто.

– Ты когда-нибудь видела настолько безжизненный дом? – поинтересовалась дама помоложе. – Как будто он давным-давно умер.

– Тридцать лет назад, вместе с Робертом Кеннеди, – отозвалась ее спутница. – Прежде жизнь здесь была ключом. Никто во всем Торонто не устраивал таких приемов. Роберт Кеннеди любил светскую жизнь. Красавец, и такой радушный! Никто не понимал, как он мог взять в жены миссис Джеймс Андерсон – вдову с тремя детьми. А ведь в девичестве она была Викторией Мур, дочерью старого полковника Мура... Аристократическая семья. Ну, конечно, тогда она была красивая, как картинка, и с ума по нему сходила. О, моя милая, она его просто боготворила. Ни на секунду не хотела выпускать его из виду. А первого мужа, как я слышала, она не любила. Роберт Кеннеди умер спустя пятнадцать лет их брака – сразу после рождения первенца, насколько мне известно.

– И она живет одна во всем замке?

– О, нет. С двумя дочерьми. Одна из них вдова или что-то вроде... и еще, кажется, с ними живет внучка. Говорят, старая миссис Кеннеди страшная тиранка, но младшая дочь, вдова, достаточно жизнерадостна, чтобы появляться во всех местах, о которых пишут в «Субботнем вечере». Очень хорошенькая... и умеют же люди одеваться! Это та, что дочь Кеннеди, вся в отца. Она, наверное, боится приглашать друзей на Джой-стрит. Эта улица не мертвая, хуже – она гниющая. Я помню времена, когда Джой-стрит была одной из самых модных улиц в городе. И посмотри, во что она превратилась теперь.

– Следы былой роскоши.

– Да и этого почти не осталось. Вон, в пятьдесят восьмом доме теперь пансионат. Но миссис Кеннеди поддерживает свое жилище в пристойном виде, хотя с балкона, как можно заметить, уже начинает сползать краска.

– Как хорошо, что я здесь не живу, – хихикнула ее подруга, пока они перебежали дорогу, чтобы сесть в такси.

«Ее можно понять», – подумала Джейн. Хотя, если бы ее спросили, где бы ей хотелось жить помимо Джой-стрит, дом шестьдесят, она не нашлась бы с ответом. Большинство улиц по дороге в школу выглядели злобными и неприветливыми, поскольку школа Святой Агаты – дорогая, изысканная частная школа, куда Джейн отправила бабушка – теперь тоже оказалась в старомодном, отжившем свой век районе. Но школа Святой Агаты не возражала. Следует понимать, что Святая Агата осталась бы Святой Агатой даже в пустыне Сахара.

Дом дяди Андерсона в Форест-Хилле выглядел потрясающе со своими ландшафтными лужайками и садами камней. Но жить там ей тоже не хотелось. Любой едва ли не со страхом проходил по лужайке, опасаясь повредить дядюшкин драгоценный зеленый бархат. Приходилось держаться выложенных каменной плиткой дорожек. А Джейн хотелось бегать. В школе тоже не побегаешь, за исключением спортивных игр, но с ними у Джейн не ладилось. Она всегда чувствовала себя неуклюжей. В свои одиннадцать она вытянулась так, как большинство девочек в тринадцать, и теперь возвышалась над всеми одноклассницами. Им это не нравилось, и Джейн чувствовала себя всюду лишней.

Что же касается дома шестьдесят на Джой-стрит... бегал ли там кто-нибудь хоть раз? Джейн казалось, мама должна была – она ступала так легко и беспечно, будто из ее ступней росли крылья. Однажды Джейн решила пробежаться по коридору, длиной едва ли не в половину квартала, распевая при этом песни. Бабушка, которая, как оказалось, была дома, появилась в дверях столовой и смерила ее взглядом, с ненавистной Джейн улыбкой на мертвенно-бледном лице.

– И что же, – спросила она елеинным голосом, ненавистным Джейн еще больше, – побудило тебя к подобному всплеску, Виктория?

– Я бегала просто для веселья, – объяснила Джейн. Ей казалось, ничего мудреного в этом нет. Но бабушка улыбнулась и проговорила так, как она одна умела:

– На твоём месте я бы больше так не делала, Виктория.

И Джейн больше так не делала. Таков был эффект, производимый бабушкой, какой бы маленькой и морщинистой она ни была: такой маленькой, что долговязая, длинноногая Джейн почти сравнялась с ней ростом.

Джейн ненавидела, когда ее называли Викторией. Но так звали ее все, кроме мамы: для мамы она была Джейн Виктория. Джейн догадывалась, что бабушке это не по душе – она знала, что по какой-то неведомой причине бабушка на дух не переносит имя Джейн. А Джейн оно нравилось – всегда нравилось, – и она думала о себе как о Джейн. Викторией ее назвали в честь бабушки, а вот откуда взялось имя Джейн, она не знала. Среди Кеннеди и Андерсонов никого так не называли. Лет в одиннадцать она начала подозревать, что это имя досталось ей по линии Стюартов, о чем Джейн очень сожалела. Ей не хотелось думать, что именем она обязана отцу. Отца Джейн ненавидела так, как только может ненавидеть маленькое сердечко, вовсе не созданное для ненависти – даже по отношению к бабушке. Временами Джейн боялась, что все-таки ее ненавидит – и это было бы просто ужасно, ведь бабушка заботится о еде и одежде и дает ей возможность учиться. Джейн знала, что должна любить бабушку, но это давалось ей отнюдь не просто. Зато маме, очевидно, не стоило никакого труда. Впрочем, бабушка любила маму, а это совсем другое дело. Любила ее так, как никого на свете. А Джейн она не любила – Джейн всегда это знала. И чувствовала, как не нравится бабушке любовь матери по отношению к ней.

– Ты разводишь вокруг нее слишком много церемоний, – однажды презрительно бросила бабушка, когда мама переживала из-за больного горла Джейн.

– Она – все, что у меня есть.

Бледное лицо бабушки покраснело.

– Полагаю, я пустое место, – проговорила она.

– О, мама, ты же знаешь, я не *это* имела в виду, – жалобно отозвалась мама, всплеснув руками – этот ее жест всегда напоминал Джейн двух маленьких белых бабочек. – Я хотела сказать... что она... это мой единственный ребенок...

– И ты любишь этого ребенка – *его* ребенка – больше, чем меня!

– Не больше... просто по-другому, – умоляюще возразила мама.

– Неблагодарная! – процедила бабушка. Всего одно слово, но сколько яда ей удалось в него вместить. На этом она вышла из комнаты со все еще алеющими щеками и горящими голубыми глазами под заиндевело-белыми волосами.

Глава 2

– Мамочка, – еле выговорила с распухшим горлом Джейн, – почему бабушка не хочет, чтобы ты любила меня?

– Милая, это вовсе не так, – склоняясь над Джейн, ответила мама, похожая на розу в свете лампы с розовым торшером.

Но Джейн знала, что не ошибается. Знала, почему мама лишь изредка целует или ласкает ее в присутствии бабушки. Это заставляло бабушку сердиться – тихим, ледяным, жутким гневом, который словно замораживал воздух вокруг нее. Джейн даже радовалась, что мама не часто осмеливалась на нежность. Зато восполняла ее, когда они оставались наедине. Но как же редко они оставались наедине! Даже сегодня времени у них почти не оставалось – мама уходила на званый прием. Она посещала их почти каждый день – то один, то другой, – иногда не только вечером, но и после обеда. Джейн нравилось смотреть на нее перед выходом. Мать знала это и обычно устраивала так, чтобы у Джейн получалось взглянуть. Она всегда носила чудесные наряды и выглядела прелестно. Джейн не сомневалась, что у нее самая красивая мама в мире. И задавалась вопросом, как у настолько очаровательной матери могла родиться такая невзрачная и неуклюжая дочь.

– В красавицу не превратишься – у тебя слишком широкий рот, – сообщила ей как-то девочка из школы Святой Агаты.

Мамины губы напоминали розовый бутон, крошечный и алый, с ямочками в уголках. А глаза голубые... но не ледяные, как у бабушки. Голубые глаза могут быть совершенно разными. Мамины походили на небо, просвечивающее между огромными облаками летним утром. Волосы напоминали теплое, подвижное золото, и сегодня мама уложила их, откинув со лба, локонами за ушами и возле шеи. Она надела платье из желтого крепа с прикрепленной к изящному плечу чудесной розой более насыщенного желтого цвета. Джейн казалось, что мама походит на прекрасную золотую принцессу с бриллиантовым браслетом, едва заметно сияющим на кремовом сатине кожи. Бабушка преподнесла ей этот браслет ко дню рождения на прошлой неделе. Бабушка всегда дарила маме красивые вещи. И выбирала одежду – прелестные платья, шляпки, накидки. Джейн не знала, что, по общественному мнению, миссис Стюарт излишне наряжается, но ей казалось, что маме нравятся вещи попроще, и она только притворяется, что любит роскошь, чтобы не задеть бабушку.

Джейн очень гордилась красотой матери. Все в ней замирало от восторга, когда она слышала восхищенный шепот: «Разве она не прекрасна?» Она почти забыла о больном горле, глядя, как мама надевает роскошную парчовую накидку под цвет глаз, с воротником из серой лисицы.

– Какая же ты милая, мамочка! – проговорила Джейн, протягивая руку и касаясь маминой щеки, когда та наклонилась ее поцеловать. Это все равно что коснуться розового лепестка. И ее ресницы лежали на щеках, как шелковые веера. Некоторые люди, как давно выясняла Джейн, выглядят тем лучше, чем дальше находятся, но чем ближе наклонялась мама, тем казалась прекраснее.

– Доченька, ты очень плохо себя чувствуешь? Мне совсем не хочется оставлять тебя одну, но...

Мама не закончила, но Джейн знала, что она хотела сказать: «Бабушке не понравится, если я останусь».

– Мне уже лучше, – благородно отозвалась Джейн. – Мэри присмотрит за мной.

Но когда мама ушла, шурша тафтой, Джейн почувствовала, как в горле встает огромный ком, не имеющий никакого отношения к опухшим миндалинам. Слезы уже готовы были брызнуть из ее глаз... но Джейн не позволила себе заплакать. Много лет назад, когда ей было не

больше пяти, она услышала, как мама кому-то похвалилась: «Джейн никогда не плачет. Она не плакала, даже когда была младенцем». И с того дня Джейн всегда следила за тем, чтобы не расплакаться, даже ночью, лежа в кровати. У мамы так мало поводов гордиться: нельзя подвести ее хотя бы в одном.

Но она чувствовала себя страшно одинокой. За окном завывал ветер. Высокие окна уныло громыхали, и дом, казалось, заполнили враждебные звуки и шорохи. Ей хотелось, чтобы Джоди пришла и посидела с ней. Но она знала, что об этом бесполезно даже мечтать. Она отлично помнила тот единственный раз, когда Джоди заходила в дом шестьдесят.

– Зато, – пробормотала Джейн, стараясь находить во всем светлую сторону, несмотря на саднящее горло и головную боль, – сегодня мне не придется читать им Библию.

Под «ними» Джейн подразумевала бабушку и тетю Гертруду. Мама появлялась изредка, поскольку почти всегда уходила в гости. Но каждый вечер перед отходом ко сну Джейн полагалось читать главу из Библии бабушке и тете. Ни один час в сутках не был Джейн ненавистен сильнее. И она прекрасно понимала, что именно поэтому бабушка и заставляла ее читать.

Читать всегда садились в гостиной, куда Джейн неизменно заходила с содроганием. Огромная, тщательно обставленная комната, заполненная настолько, что передвигаться по ней, ничего не опрокинув, получалось с трудом, и вечно холодная, даже в самые теплые летние вечера. А уж какой холод там стоял зимой! Тетя Гертруда брала с мраморной столешницы, стоявшей посреди комнаты, огромную семейную Библию с тяжелой серебряной застежкой и перекладывала на маленький столик между окнами. Затем тетя с бабушкой садились за столом друг напротив друга, а Джейн – между ними, пока прадедушка Кеннеди хмурился на нее со старой, потускневшей картины в тяжелой, потемневшей от времени позолоченной раме, окаймленной по обеим сторонам синими бархатными занавесками. Та женщина на улице сказала, что дедушка Кеннеди был приятным и доброжелательным, но явно не его отец. Джейн искренне считала, что он выглядит так, будто готов перекусить гвоздь.

– Открой четырнадцатую главу «Исхода», – приказывала бабушка. Глава, разумеется, каждый вечер менялась, но тон бабушкиного голоса – нет. Он всегда выбивал Джейн из колеи, и она не могла найти нужное место. А бабушка с ненавидящей улыбкой, словно говорившей: «Так ты даже этого не можешь сделать», протягивала тонкую, морщинистую руку, украшенную богатыми старомодными кольцами, и открывала нужное место с поразительной точностью. Джейн спотыкалась и оговаривалась в словах, которые отлично знала, просто от волнения. Иногда бабушка велела: «Погромче, Виктория, будь добра. Я надеялась, в школе Святой Агаты тебя научат хотя бы открывать рот при чтении, раз уж не сумели научить географии и истории». И Джейн повышала голос так внезапно, что тетя Гертруда подскакивала. А на следующий же вечер могло звучать: «Не так громко, Виктория, будь любезна. Мы не глухие». И голос несчастной Джейн стихал почти до шепота.

После чтения бабушка и тетя Гертруда склоняли головы и повторяли «Отче наш». Джейн пыталась произносить слова молитвы вместе с ними, что оказывалось непростой задачей, поскольку бабушка обычно на несколько слов обгоняла тетю. Джейн всегда произносила «аминь» с благодарностью. Красивая молитва, окруженная чудным ореолом многовекового поклонения, теперь вызывала у Джейн ужас.

Затем тетя Гертруда захлопывала Библию и с поразительной точностью убирала на то же место на центральном столике. Наконец Джейн, прощаясь, целовала их с бабушкой перед сном. Бабушка всегда оставалась сидеть, а Джейн наклонялась и целовала ее в лоб.

– Доброй ночи, бабушка.

– Доброй ночи, Виктория.

Но тетя Гертруда, отличавшаяся высоким ростом, стояла возле центрального стола, и Джейн приходилось тянуться к ней. Тетя слегка наклонялась, и Джейн целовала ее узкое сероватое лицо.

– Доброй ночи, тетя Гертруда.

– Доброй ночи, Виктория, – отзывалась тетя Гертруда тонким, ледяным голосом.

И Джейн выходила из комнаты, порой даже умудрившись ничего не сдвинуть с места.

– Вот вырасту – и ни за что не буду читать Библию и молиться, – шептала она себе под нос, поднимаясь по длинной великолепной лестнице, о которой прежде говорил весь Торонто.

Как-то вечером бабушка с улыбкой спросила:

– Как тебе Библия, Виктория?

– Мне кажется, она ужасно скучная, – честно призналась Джейн. Сегодня глава состояла из сплошных «крузей» и «опонов», а Джейн знать не знала, что такое крузи и опоны³.

– А! Думаешь, твое мнение что-нибудь значит? – спросила бабушка, улыбаясь тонкими, как бумага, губами.

– Тогда зачем спрашивать? – поинтересовалась Джейн, и ее тут же холодно отчитали за дерзость, хотя у нее не было ни малейшего намерения дерзить. Стоило ли удивляться, что в тот вечер она поднималась по лестнице, полная глубокого отвращения к дому шестьдесят на Джой-стрит? Но ей не хотелось его ненавидеть. Ей хотелось любить его... подружиться с ним... сделать для него что-то. Вот только у нее не получалось – дом *отказывался* становиться дружелюбным. И ни в чем не нуждался. Тетя Гертруда и Мэри Прайс, кухарка, и Фрэнк Дэвис, слуга и шофер, все для него делали. Тетя Гертруда не позволяла бабушке завести экономку, поскольку предпочитала управляться с домом сама. Высокая, хмурая, сдержанная тетя Гертруда, так сильно не походившая на ее мать, что Джейн с трудом верилось, что они сестры даже наполовину, была ревнительницей порядка и систематичности. В доме шестьдесят все полагалось делать определенным образом и в определенные дни. Дом сверкал пугающей чистотой. Ледяной взгляд серых глаз тети Гертруды не выносил ни соринки. Она ходила по дому, расставляя вещи по местам, и ничто не ускользало от ее внимания. Даже маме оставалось только заботиться о цветах на столе, когда приезжали гости, и зажигать свечи к обеду. Джейн понадеялась бы выполнять такие обязанности. А еще – полировать серебро и готовить. Больше всего на свете ей хотелось научиться готовить. Время от времени, когда бабушка уезжала из дома, она простаивала на кухне, наблюдая, как готовит добродушная Мэри Прайс. На вид – несложно... Джейн казалось, что у нее бы отлично получилось, если бы ей только позволили. Готовить еду, должно быть, так весело. Даже запах почти так же хорош, как сама трапеза.

Но Мэри Прайс не разрешала. Она знала, что хозяйка не одобряет разговоров мисс Виктории со слугами.

– Виктория воображает себя домохозяйкой, – заявила однажды бабушка во время воскресного обеда, на котором, по обыкновению, присутствовали дядя Уильям Андерсон, его жена Минни, дядя Дэвид и тетушка Сильвия Коулманы со своей дочерью Филлис. У бабушки замечательно выходило прилюдно заставлять других чувствовать себя смешно и глупо. И все равно Джейн задумалась, что сказала бы бабушка, узнай она, что Мэри Прайс в спешке попросила ее помыть листья салата. Джейн знала, как поступила бы бабушка. Отказалась бы к ним прикасаться.

– А разве девушке не полагается быть хозяйственной? – поинтересовался дядя Уильям, но не в защиту Джейн, а потому, что не упускал возможности заявить о своем убеждении, что место женщины – на кухне. – Каждая девушка должна уметь готовить.

– Не думаю, что Виктория стала бы учиться готовить, – отозвалась бабушка. – Ей просто нравится болтаться в местах, подобных кухням.

---

³ Опона (*церковнославянск.*) – завеса, полог, покров. Крузи – форма слова «круг», означающего также «обруч», «свод». В оригинале Джейн читает слова из «Исхода» 25:31–26:14 версии «Библии короля Якова», которая была переведена в XVII веке. Она отличается большим количеством архаизмов, обладает величественным, «религиозным» звучанием – то есть Джейн читает текст на устаревшем для ее времени английском языке. В переводе использованы слова из того же фрагмента версии «Елизаветинской Библии», опубликованной в 1751 году на церковнославянском.

Бабушкин тон подразумевал, что у Виктории никуда не годный вкус, а кухни – место почти непристойное. Джейн оставалось только гадать, отчего мама вдруг покраснела и что за странное, мятежное выражение на секунду промелькнуло в ее глазах. Но всего на секунду.

– Как твоя учеба в школе Святой Агаты, Виктория? – любопытно спросил дядя Уильям. – Поправила отметки?

Джейн не знала, поправила ли. Этот страх преследовал ее денно и ночью. Она знала, что ежемесячный отчет об успеваемости оставлял желать лучшего – бабушка приходила в ярость, и даже мама жалобно спрашивала, не может ли она приложить чуть больше усилий. Джейн делала все возможное, но история и география казались такими скучными и монотонными. Арифметика с письмом давались легче. Арифметикой она даже могла блеснуть.

– Слышала, Джейн пишет великолепные сочинения, – саркастично заметила бабушка. По неведомой Джейн причине ее способность хорошо писать сочинения никогда не нравилась бабушке.

– Ай-ай, – покачал головой дядя Уильям. – Виктории не составит труда сдать экзамены, если она захочет. Нужно только учиться как следует. Она уже достаточно взрослая, чтобы это понимать. Какая столица у Канады?

Джейн отлично знала столицу Канады, но дядя Уильям выстрелил в нее этим вопросом так неожиданно, а все гости отложили в сторону приборы и прислушались – так что именно в это мгновение Джейн нипочем не могла вспомнить название. Она покраснела... запнулась... заерзала. Если бы в этот момент Джейн посмотрела на мать, то увидела бы, как та подсказывает ей одними губами, но была не в силах поднять глаза. Ей хотелось умереть от стыда и унижения.

– Филлис, – попросил дядя Уильям, – подскажи Джейн столицу Канады.

Филлис тут же отозвалась:

– Оттава.

– О-т-т-а-в-а, – отчеканил дядя Уильям, глядя на Джейн.

Джейн чувствовала, что все они, не считая мамы, высматривают в ней недостатки, а теперь тетя Сильвия надела пенсне с привязанной к нему длинной черной лентой и поглядела сквозь него на Джейн, будто пыталась запомнить, как выглядит девочка, которая не знает столицу собственной страны. Парализованная ее взглядом, Джейн выронила вилку и мучительно сжалась, поймав бабушкин взгляд. Бабушка позвонила в серебряный колокольчик.

– Не могли бы вы принести Виктории *еще одну* вилку, Дэвис? – проговорила бабушка таким тоном, как будто Джейн уже использовала несколько вилок.

Дядя Уильям положил только что отрезанный кусочек куриной грудки на край блюда. Джейн надеялась, что он достанется ей. Белое мясо ей перепало нечасто. В отсутствие дяди Уильяма Мэри разделяла птиц на кухне, а Фрэнк обносил блюдо вокруг стола. Джейн лишь изредка решалась положить себе грудку, поскольку знала, что бабушка наблюдает за ней. Однажды, когда она положила себе два крошечных кусочка, бабушка одернула ее:

– Не стоит забывать, моя милая Виктория, что другие люди тоже могут захотеть грудку.

Но теперь Джейн казалось, что ей повезет, если достанется ножка. Дядя Уильям вполне мог оставить ей куриную шею в качестве наказания за неназванную столицу Канады. Зато тетюшка Сильвия от всей души положила ей двойную порцию репы. Джейн терпеть не могла репу.

– У тебя совсем плохой аппетит, Виктория, – укоризненно заметила тетюшка, когда гора репы несколько не уменьшилась.

– О, я думаю, с *аппетитом* у нее все в порядке, – проговорила бабушка так, будто все остальное было *не* в порядке. Джейн всегда чувствовала, что за бабушкиными словами стоит нечто большее. Вероятно, в тот момент она оставила бы свою решимость и расплакалась, не будь рядом мамы. А мама смотрела на нее так нежно, с таким пониманием и сочувствием, что Джейн тут же набралась храбрости и больше не пыталась запихнуть в себя репу.

Филлис, дочь тети Сильвии, ходила не в Святую Агату, а в Хиллвуд-Холл – более новую и дорогостоящую школу, – и могла назвать столицу не только Канады, но и каждой провинции. Джейн не любила Филлис. Иногда Джейн устало размышляла о том, должно быть, это с ней что-то не так, раз вокруг столько людей, которые ей не нравятся. Но Филлис вела себя так снисходительно... а Джейн ненавидела, когда до нее снисходят.

– Почему тебе не нравится Филлис? – как-то раз спросила бабушка, сверля ее взглядом, способным, по мнению Джейн, минуя стены, двери и прочие препятствия, достигать самых дальних глубин души. «Она красивая, женственная, воспитанная и умная... ничем на тебя не похожа», – казалось, хотела добавить бабушка.

– Она ведет себя покровительственно.

– Ты понимаешь смысл слов, которые произносишь, дорогая? – поинтересовалась бабушка. – Тебе не кажется, что... возможно... ты завидуешь Филлис?

– Нет, не кажется, – решительно отозвалась Джейн. Она не завидовала Филлис.

– Конечно, должна признать, она очень отличается от твоей Джоди, – проговорила бабушка. Насмешка в ее голосе заставила Джейн злобно сверкнуть глазами. Ей было невыносимо слышать, как кто-то насмехается над Джоди. Но что она могла поделать?

Глава 3

Они с Джоди дружили уже год. Обеим было по одиннадцать, и Джоди, как и Джейн, обгоняла ростом сверстниц, хотя и не отличалась таким же крепким телосложением. Худенькая и болезненная, она выглядела так, будто всю жизнь недоедала (что вполне могло оказаться правдой), пусть и жила в пансионе – пятьдесят восьмом доме по Джой-стрит – некогда фешенебельной резиденции, теперь превратившейся в грязное трехэтажное заведение.

Прошлой весной Джейн как-то вечером сидела на скамейке в старой заброшенной беседке на заднем дворе. Мама и бабушка уехали, а тетя Гертруда слегла в постель с ужасной простудой (иначе Джейн не оказалась бы в беседке). Она выбралась туда, чтобы полюбоваться полной луной – у Джейн были свои причины для любви к луне – и цветущей вишней в саду пятьдесят восьмого дома. Вишня, свисающая над ней луной, похожей на огромную жемчужину, казалась такой прекрасной, что Джейн, глядя на нее, почувствовала странный ком в горле, как будто собиралась заплакать. А потом... она услышала, как кто-то и впрямь плачет за оградой. Приглушенные жалобные звуки ясно раздавались в тихом, прозрачном воздухе весеннего вечера.

Джейн вышла из беседки, обогнула гараж, миновала одиноко стоящую собачью будку, в которой никогда не бывало собаки – по крайней мере, на памяти Джейн, – и добралась до ограды, которая переходила здесь в деревянный забор между домами шестьдесят и пятьдесят восемь. За собачьей будкой посреди зарослей плюща в заборе была сломана доска, и Джейн, протиснувшись сквозь образовавшийся зазор, оказалась в неопрятном дворе пятьдесят восьмого дома. Сумерки еще не ступились, и Джейн смогла разглядеть девочку, сжавшуюся у корня вишни, которая горько плакала, спрятав лицо в ладони.

– Я могу помочь?

Эта фраза, пусть сама Джейн об этом и не подозревала, ключевым образом отражала ее характер. Любой другой, вероятно, спросил бы: «Что случилось?», но Джейн всегда стремилась помочь; и хотя она была еще слишком юна, чтобы это осознать, но трагедия ее маленького существования заключалась в том, что никто из окружающих не нуждался в помощи – даже мама, у которой было все, чего душа пожелает.

Девочка под вишней прекратила всхлипывать и поднялась на ноги. Она посмотрела на Джейн, а Джейн – на нее, и что-то произошло. Позднее Джейн говорила: «Я поняла, что мы – из одного теста». Джейн увидела девочку примерно своего возраста, с бледным личиком под густой прямой челкой темных волос. Волосы, казалось, давно не мыли, но под ними скрывались прекрасные карие глаза, другого оттенка, чем у Джейн. Глаза Джейн походили на золотисто-коричневые бархатцы с затаенной в них смешинкой, но глаза девочки были темными и печальными... настолько печальными, что у Джейн сжалось сердце. Она точно знала, что у такого юного человека не должно быть таких печальных глаз.

На девочке было ужасное старое синее платье, явно с чужого плеча. Слишком длинное и вычурное, все грязное, в жирных пятнах. Оно висело на ней как яркая тряпка на пугале. Но Джейн не обратила внимания на платье. Все, что она видела, – эти чудесные глаза.

– Я могу помочь? – повторила она.

Девочка покачала головой, а в больших глазах собрались слезы.

– Посмотри, – махнула она рукой.

Джейн повернулась. Между вишней и забором она увидела нечто, напоминающее неровную цветочную клумбу, усыпанную втоптаннами в землю розами.

– Это Дик сделал, – всхлинула девочка. – Специально... потому что это мой садик. Миссис Саммерс прислали цветы на прошлой неделе... двенадцать огромных алых роз ко дню рождения... а сегодня утром она сказала, что они уже не годятся, и велела выкинуть. Но я

не смогла... они все равно такие красивые. Я пришла сюда, сделала клумбу и воткнула розы. Конечно, они не простояли бы долго... но цветы такие чудесные, я притворилась, что у меня есть свой садик... а теперь... теперь... Дик просто пришел и растоптал их... *и смеялся.*

Она снова зарыдала. Джейн не знала, кто такой Дик, но в эту секунду она с радостью свернула бы ему шею своими маленькими, но сильными руками. Джейн обняла девочку.

– Ничего. Не плачь. Давай сорвем вишневых веток и воткнем их в твою клумбу. Они свежее роз – и только представь, как красиво они будут смотреться в лунном свете.

– Я боюсь, – всхлипнула девочка. – Вдруг это разозлит мисс Уэст?

И снова Джейн ощутила волну сочувствия. Так эта девочка тоже боится людей!

– Тогда мы просто заберемся на ту толстую ветку и насладимся видом, – предложила Джейн. – Мисс Уэст не разозлится?

– Думаю, нет. Хотя она уже и так злится, потому что я споткнулась с подносом стаканов перед ужином и три разбились. Она сказала, если так продолжится – я еще пролила суп на шелковое платье мисс Тэтчер вчера, – она меня отошлет.

– Куда?

– Не знаю. Мне некуда больше идти. Но она говорит, что я бесполезная и что держат меня только из милосердия.

– Как тебя зовут? – спросила Джейн. Они с кошачьей ловкостью взобрались на вишневое дерево, и его белизна закрыла и укутала их, заключив в собственный душистый мир.

– Джозефина Тернер. Но все называют меня Джоди.

Джоди! Джейн понравилось это имя.

– А я Джейн Стюарт.

– Я думала, тебя зовут Виктория, – призналась Джоди. – Мисс Уэст так говорила.

– Нет, Джейн, – твердо отозвалась Джейн. – В крайнем случае – Джейн Виктория, но я – *Джейн.* А теперь, – весело проговорила она, – давай знакомиться.

Прежде чем вернуться домой сквозь дыру в заборе, Джейн выяснила все, что касалось Джоди. Ее родители умерли, когда она была еще младенцем. Кузина матери, кухарка в пансионе, взяла ребенка себе, и ей позволили оставить девочку в пятьдесят восьмом доме, если она не будет выпускать ее из кухни. Два года назад кузина Милли умерла, а Джоди просто «осталась». Она помогала новой кухарке: чистила картошку, мыла посуду, подметала, вытирала пыль, бегала с поручениями, чистила ножи... а недавно ее повысили до прислуживания за столом. Джоди спала в маленькой мансарде, где летом стояла жара, а зимой холод, носила старье, которое отдавали постояльцы, и ходила в школу, когда выдавались менее загруженные дни. Она никогда не слышала ласкового слова в свой адрес, никто не замечал ее – кроме Дика, племянника и любимца мисс Уэст. Он дразнил и мучал ее, обзывал «благодетельным ребенком». Джоди ненавидела Дика. Однажды, когда все разошлись, она проскользнула в гостиную и наиграла коротенькую мелодию на фортепиано, но Дик рассказал об этом мисс Уэст, и Джоди строго-настрого запретили вновь прикасаться к инструменту.

– А я мечтаю научиться играть, – печально добавила она. – Фортепиано и садик – большего мне в жизни не надо. Я бы очень хотела сад.

Джейн в очередной раз пожалела, что все так устроено. Она не любила играть на фортепиано, но бабушка настояла на уроках музыки, и Джейн исправно занималась, чтобы порадовать маму. А бедная, жаждущая музыки Джоди не могла с ней соприкоснуться.

– Тебе не кажется, что можно было бы устроить небольшой садик? – спросила Джейн. – Здесь полно места и мало тени, в отличие от нашего двора. Я бы помогла тебе разбить клумбу и уверена, что мама дала бы нам семена...

– Бесполезно, – безрадостно ответила Джоди. – Дик их тоже истопчет.

– Тогда вот что, – решительно проговорила Джейн, – мы возьмем каталог семян – я попрошу Фрэнка достать – и устроим *воображаемый* сад.

– Вот это ты выдумщица! – восхищенно отозвалась Джоди. Джейн почувствовала себя счастливой. Впервые кто-то восхищался ею.

Глава 4

Разумеется, бабушка тут же узнала про Джоди. Она выдала множество саркастичных тирад насчет нее, но ни разу напрямую не запретила играть с ней во дворе пятьдесят восьмого дома. Уже гораздо позже Джейн поняла почему: бабушка хотела показать каждому, кто мог бы в этом усомниться, что у Джейн посредственный вкус и она любит простых людей.

– Дорогая, эта твоя Джоди – хорошая девочка? – с сомнением спросила мама.

– *Очень* хорошая девочка, – с выражением отозвалась Джейн.

– Но она кажется такой неухоженной... даже грязной...

– Лицо у нее всегда чистое, и она *никогда* не забывает мыть за ушами, мамочка. Я покажу ей, как мыть голову. У нее чудесные волосы, стоит их только вымыть, – такие густые, черные и шелковистые. И можно, я отдам ей баночку крема – у меня ведь их две, – чтобы она могла мазать руки? Они совсем красные и потрескавшиеся, потому что ей приходится мыть кучу посуды.

– Но ее одежда...

– Она не виновата. Ей приходится носить то, что отдают постояльцы, и у нее никогда не бывает больше двух платьев зараз... одно – на каждый день, а второе – для воскресной школы. Но даже воскресное не очень чистое, оно когда-то принадлежало миссис Белью Этель, и она пролила на него кофе. Джоди приходится так много работать... Мэри говорит, что она просто маленькая рабыня. Я очень люблю Джоди, мама. Она *милая*.

– Что ж... – вздохнула мама и больше не возражала. Мама никогда не возражала, если проявить настойчивость. Джейн давно это поняла. Она души не чаяла в матери, но безошибочно разгадала слабое место в ее характере. Мама не могла «противиться» людям. Джейн слышала, как Мэри однажды говорила Фрэнку, не зная, что девочка слышит:

– Она пойдет за тем, кто заговорит с ней последним. И это всегда старая хозяйка.

– Что ж, хозяйка вполне добра к ней, – ответил Фрэнк. – Она веселое создание.

– Веселое – да. Но счастлива ли она? – спросила Мэри.

«Счастлива? Ну конечно, мама счастлива», – с негодованием подумала Джейн. Негодование было сильным, потому что где-то в глубине души у нее таилось странное подозрение, что мама, несмотря на танцы, званые обеды, меха, наряды, драгоценности и друзей, несчастна. Джейн не могла понять, откуда берется это чувство. Может, из-за выражения, которое время от времени появлялось в маминых глазах... как у загнанного зверька.

Весной и летом Джейн ходила играть во двор пятьдесят восьмого дома каждый вечер, когда Джоди заканчивала мыть горы посуды. Они разбили «воображаемый» сад, кормили хлебными крошками малиновок и черно-серых белок, сидели, взобравшись на вишню, и смотрели на вечернюю звезду. И разговаривали! Джейн, обычно терявшаяся в разговорах с Филлис, всегда находила что обсудить с Джоди.

Но о том, чтобы Джоди пришла играть во двор дома шестьдесят, и речи не заходило. Однажды, еще в самом начале их дружбы, Джейн пригласила Джоди к себе. Она снова застала Джоди плачущей под вишней и выяснила причину: мисс Уэст заставила ее выбросить старого плюшевого медвежонка. Он, по словам мисс Уэст, совершенно истрепался. Его латали до тех пор, пока места для заплаток больше не осталось, и даже пуговицы не удерживались на изношенных глазницах. К тому же она уже слишком взрослая, чтобы играть с плюшевыми медведями.

– Но у меня нет ничего другого, – рыдала Джоди. – Я бы смирилась, будь у меня кукла. Я всегда мечтала о кукле... но теперь мне придется спать одной там, наверху... а это так одиноко.

– Пойдем к нам, я подарю тебе куклу, – предложила Джейн.

Джейн не интересовали куклы, потому что они казались ей бездушными. С семи лет у нее была замечательная кукла, которую тетя Сильвия подарила ей на Рождество, но кукла – идеальная, одетая с иголки – ни в чем не нуждалась, и Джейн никогда ее не любила. Она, скорее, любила бы плюшевого медведя, каждый день нуждавшегося в новой заплатке.

Она провела Джоди, широко распахнувшую глаза от восторга, сквозь все великолепие шестидесятого дома, и отдала куклу, которая долгое время нетронутой пролежала в нижнем ящике большого черного шкафа. Потом они зашли в мамину комнату, чтобы посмотреть на лежащие на столе безделушки: серебряные расчески, бутылочки духов с пробками из граненого стекла, отбрасывающими радуги, чудесные кольца на маленьком золотом подносе. Там их застала бабушка.

Она стояла в дверном проеме и смотрела на них. Тишина расплзалась по комнате ледяной, удушающей волной.

– Позволь спросить, Виктория... что все это значит?

– Это... Джоди, – с запинкой ответила Джейн. – Я... я позвала ее сюда, чтобы подарить куклу. У нее нет ни одной.

– В самом деле? И ты отдала ей ту, что тебе подарила тетя Сильвия?

Джейн тут же осознала, что совершила что-то непростительное. Ей никогда не приходило в голову, что у нее нет права отдать собственную куклу.

– Я не запретила, – продолжила бабушка, – играть с этой... Джоди на ее территории. Кровь должна была рано или поздно заговорить. Но, если не возражаешь, я бы попросила не приводить сюда твой сброд, милая Виктория.

Милая Виктория и несчастная, оскорбленная Джоди как можно быстрее убрались из дома, оставив куклу. Но и бабушка не осталась безнаказанной. В Джейн впервые что-то зашевелилось. Перед тем как выйти, она остановилась и в упор посмотрела на бабушку сверлящим осуждающим взглядом карих глаз.

– Ты несправедлива, – выпалила она. Голос слегка дрожал, но Джейн чувствовала, что должна сказать это, неважно, насколько дерзкой ее сочтет бабушка.

– Я не сброд, – дрожащими губами проговорила Джоди. – Конечно, я не как вы... мисс Уэст говорит, что вы *династия*... но мои родные были уважаемыми людьми. Кузина Милли так говорила. И они могли себя обеспечить, когда были живы. И я работаю достаточно усердно, чтобы обеспечить *себя*.

– Ты не сброд, и я тебя люблю, – отозвалась Джейн. – Ты и мама – единственные люди на свете, кого я люблю.

Говоря это, Джейн ощутила, как сердце сдавливает странная боль. Она вдруг осознала, что два человека из всех миллионов в мире – Джейн никогда не удавалось вспомнить точное число миллионов, но она знала, что их очень много, – это не так уж и много.

«Мне нравится любить людей, – подумала Джейн. – Это *приятно*».

– А я не люблю никого, кроме тебя, – призналась Джоди, забывшая о задетых чувствах, как только Джейн увлекла ее постройкой замка из старых жестяных банок в углу двора. Мисс Уэст запасала жестяные банки для своего кузена, который жил за городом и каким-то загадочным образом их использовал. Но за всю зиму он ни разу не приехал, так что банок хватило, чтобы построить высотное сооружение. Они не знали, что мистер Торри, один из постояльцев в пятьдесят восьмом доме, начинающий архитектор, увидел сверкающий в лунном свете замок, загоняя в гараж машину, и присвистнул:

– Для двоих детей башня у них получилась что надо! – пробормотал он.

Джейн, которая к этому моменту уже должна была спать, лежала в кровати, выдумывая историю о своей жизни на луне, видневшейся сквозь окно.

«Лунный секрет», как его называла Джейн, был единственной тайной, которой она не поделилась ни с мамой, ни с Джоди. Что-то не давало ей это сделать. Он был ее собственностью.

Рассказать о нем – значило уничтожить. Джейн отправлялась в воображаемые путешествия до луны уже три года. Она попадала в сверкающий мир фантазий, где жизнь была превосходна и утоляла глубинную жажду ее души невиданными, зачарованными веснами посреди серебристых холмов. До того как научиться попадать на луну, Джейн отчаянно хотела оказаться в Зазеркалье, как Алиса⁴

---

⁴ Алиса – персонаж знаменитой сказки английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и ее продолжения – «Алиса в Зазеркалье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.